

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

С.-и. д. универсален в том смысле, что не имеет фиксированной области объектов его интереса: в фокусе исторического исследования могут находиться объекты самой различной природы – физической, биологической, психической, социокультурной etc. Похоже, что во всей системе дискурсных параметров (*научный дискурс*) существует только один признак, характеризующий специфику той реальности, к которой обращена историческая рефлексия: она имеет дело с прошлым. Изучение прошлого предполагает обращение к изучению «останков», или «следов», прошлых событий. По этим следам ушедшие в прошлое события надлежит реконструировать с возможной степенью полноты и достоверности. Однако известно, что по времени какие-то предикаты прошлого безвозвратно исчезают, «не оставляя считываемых следов» (С.В. Мейен), и по этой причине степень желаемой полноты и достоверности реконструкции непрерывно отдаляющегося от нас прошлого приближается с физической необходимостью к нулю.

Вторым по значимости конституирующим параметром социально-исторического дискурса является его аксиологическая составляющая. Хотя прошлое онтологически не детерминировано настоящим, не может измениться под его влиянием, однако социальная история пишется не только по формуле «как это в действительности было», но и согласно императиву «потребного прошлого». Действительно, прошлое воссоздается из исторических фактов. И это несмотря на то, что в истории полно лакун, «относительно которых источники оставляют нас в неведении, да так, что мы не ведаем о своем неведении» (Поль Вен). Если не принимать во внимание «продукцию» откровенных фальсификаторов истории, то в этом плане методологический статус исторического исследования мало чем отличается от любой другой области научного познания. Но факты, упорядоченные в их хронологической последовательности – это еще

не социально-исторический образ прошлого. Последний возникает с участием идеологом, таких как «национальная идея», «честь нации», ее «враги» и «союзники», «чувство Родины» и т. п. Они формируются в сознании «эзотериков» (мудрецов, проповедников, летописцев, вождей etc.) – хранителей и трансляторов коллективного опыта – как рационализация архетипической потребности в «племенной» (кастовой, классовой, национальной) идентичности. Затем эти смыслы инкорпорируются в общественное сознание и проецируются не только на прошлое, но и настоящее и будущее, т. е. формируется аксиологический компонент национальной идентичности в транстемпоральном измерении. В итоге создается эффект социально-исторической иммортализации: хотя бы частично преодолевается ощущение случайности и эфемерности земного бытия сменяющихся поколений, в общественном сознании укрепляется чувство причастности к чему-то значительному, трансцендентному.

Человеческое общество разделено на множество национальных государств, на богатых и бедных, «своих» и «чужих». Поскольку социальные историки сами интегрированы в различающиеся социокультурные общности, дифференцированы по этнонациональным, социально-классовым и конфессиональным признакам, с.-и. д. не может не иметь отчетливо выраженного плюралистического характера. Усиливается этот плюрализм диверсификацией герменевтических процедур, обусловленной различиями в социологических, политических, экономических, социально-психологических теориях, посредством которых разные историки интерпретируют одни и те же исторические факты. По названным причинам было бы наивным полагать, что существует или когда-нибудь будет создана «аутентичная» (в смысле: «единственно верная») социальная история какой-либо страны или какого-то региона мира. Тем не менее, социальному историку не стоит по этому поводу огорчаться: «в профессиональной историогра-

фии истина далеко не единственный критерий, которым мы квалифицируем качество исследований» (Алан Мегилл).

В связи с изложенным представляются небезопасными претензии ориентированных на национальную идею историков на преимущественное право обладания исторической «правдой»: эти самонадеянные грезы порождают антагонизм национальных историй, который, как известно, чреват реальными политическими конфликтами и насилием. Ясно и другое: многое из социального прошлого могло быть полнее и точнее реконструировано посредством научных методов, если бы историки не были бы зачастую настолько политически ангажированы. Реализации этой возможности могло бы способствовать усиление роли принципов критицизма и толерантности в с.-и. д., что повысит шансы коллективного научно-исторического разума на сближение с исторической реальностью

Историки уделяют большое внимание вопросам методологии исторического исследования. В связи с данным параметром с.-и. д. следует отметить, что нет отдельного специализированного метода исследования («исторического метода»), который позволял бы отграничить этот

дискурс от других институциональных дискурсов. Применяемые в исторической науке методы широко представлены и в других научных дисциплинах (приемы работы с источниками и их критика, интерпретация фактов, синтез, (ретро) прогнозирование и т. п.): «Между исследованием далекого и исследованием совсем близкого различие лишь в степени. Оно не затрагивает основы методов» (М. Блок). Речь может идти только о специфике комплекса общенаучных методов, который характерен для решения задач историографического плана.

Литература:

Мейен С. В. Исторические реконструкции в естествознании и типология / Эволюция материи и ее структурные уровни. М., 1981. С. 90–93; Вригт Г. Х. фон. Логико-философские исследования. 1986. С. 184; Вен Поль. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М., 2003. С. 22; Мегилл Алан. Некоторые соображения о проблеме истинностной оценки репрезентации прошлого / Эпистемология и философия науки. Т. XV, 2008, № 1. С. 54–55; Фоули Р. Еще один неповторимый вид. Экологический аспект эволюции человека. М., 1990. С. 108; Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 35; Кротков Е. А. Специфика социально-исторического дискурса / Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 34–36.

О. Ф. Русакова

ПРЕЗЕНТАЦИОННЫЙ ДИСКУРС*

Презентационный дискурс – атрибутивный элемент любого дискурса публичной коммуникации, поскольку в каждой коммуникации содержится презентационная стратегия.

Отправным пунктом анализа презентационного дискурса являются следующее базовое определение: *презентация* – это публичная маркетинговая коммуникация, основными интенциями которой являются: *Позиционирование*, *Продвижение* (промоушн) и *Паблицити*.

Интенция *позиционирования* предполагает, что в ходе презентации демонстрируется уникальное торговое, товарное, интеллектуальное, политическое или иное предложение.

Интенция *продвижения* стратегически нацелена на попадание презентуемого объекта в зону устойчивого внимания общественности и в сферу активного маркетингового обмена.

Интенция *паблицити* предполагает расширение горизонта известности посредством освещающих презентацию СМИ и применения шоу- и event-технологий на разных стадиях разворачивания презентационной акции.

Единицей разворачивания презентационного дискурса выступает *презентационный шаг*, который обогащает восприятие публики новыми информационно-семиотическими моментами.

Статьи подготовлены в рамках программ фундаментальных исследований УрО РАН: проект № 12-И-6-2066